

Научная статья
УДК 32:159.9
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы

Марина Сергеевна ТАНЦУРА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tantsura.ms@dvfu.ru

Татьяна Павловна ЛЕОНЕНКО

Владивосток, Россия, leonenko.tp@dvfu.ru

Аннотация. В статье проводится анализ трансформации массового сознания населения России на протяжении советского и постсоветского периодов. Внимание уделено влиянию конъюнктуры политической системы на ценностные характеристики массового сознания. В ходе исследования выявлено несколько этапов формирования и трансформации советского и постсоветского политического сознания: период становления "советского человека", "позднесоветское" сознание, ресоциализация сознания в годы перестройки, становление "постсоветского" сознания и современный этап трансформации сознания. Представлен анализ всех выделенных этапов.

Ключевые слова: масса, массовое сознание, политическое сознание, политические ценности

Для цитирования: Танцур М.С., Леоненко Т.П. Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 131–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Mass consciousness of Russians in the context of the transformation of the Russian political system

Marina S. TANTSURA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tantsura.ms@dvfu.ru

Tatyana P. LEONENKO

Vladivostok, Russia, leonenko.tp@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the mass consciousness of the Russian population during the Soviet and post-Soviet periods. Attention is paid to the influence of the conjuncture of the political system on the value characteristics of the mass consciousness. The study revealed several stages in the formation and transformation of Soviet and post-Soviet political consciousness: the period of formation of the "Soviet person", "late Soviet" consciousness, resocialization of consciousness during the years of "realignment", the formation of "post-Soviet" consciousness and the current stage of transformation of consciousness. An analysis of all the identified stages is presented.

Keywords: mass, mass consciousness, political consciousness, political values

For citation: Tantsura M.S., Leonenko T.P. Mass consciousness of Russians in the context of the transformation of the Russian political system // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 131–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Становление новой политической системы в России в 1990-х гг. предопределило трансформацию ценностных характеристик всего российского общества. Подобные изменения привели к кардинальной смене представлений о мире, стране, национальных ценностях и способствовали формированию качественно новых черт психики населения. В условиях постсоветской трансформации общества и кризиса ценностно-идеологического компонента российской идентичности по вектору противостояния "Запад и Восток" проблема изучения массового сознания и определения происходящих в нем изменений актуализировалась необходимо-

стью поиска качественных стратегий взаимодействия власти и массового субъекта для достижения частных и общезначимых политических целей. Мониторинг процесса трансформации существующих в российском массовом сознании политических ценностей позволяет проследить изменения, происходящие с населением страны как субъектом политики с позиций политико-психологического анализа, дает возможность выявлять актуальные политические запросы и исследовать особенности восприятия политической действительности, играющие весомую роль в дальнейшем развитии политической системы России.

Прежде всего стоит уточнить авторское понимание термина "субъект политики". Специфика данного исследования обязывает подходить к понятию максимально широко. Следовательно, подход, определяющий субъект политики как неких лица, группы или движения, которые стремятся к активному воздействию на политическую жизнь и осознанно отстаивают свои интересы с помощью такого ресурса, как власть, является слишком ограниченным. Ограничения заключаются в концентрировании данного понимания на активности и организованности субъекта, а также его рациональном осмыслении своей позиции. Область политической психологии, затрагивающей массовые явления в политике, требует от данного термина большего охвата. В соответствии с данным подходом под субъектами политики понимаются все индивиды, группы, организации, движения и социальные общности (нации, классы, массы и т. д.), соприкасающиеся со сферой политических отношений. Данный подход позволяет включить в спектр возможных субъектов политики огромные социальные общности, не связанные формально друг с другом, но представляющие единый политико-психологический субъект – массу.

Само же массовое сознание в современной науке рассматривается в рамках двух основных метаподходов. С одной стороны, массовое сознание – это форма общественного сознания, заметно проявляющаяся лишь в динамичные периоды развития общества и эта позиция считается хронологически первой в вопросе исследования масс. Её описал и отстаивал классик исследований в области толп Г. Лебон. С другой стороны, массовое сознание рассматривается как самостоятельный феномен, который сосуществует в обществе наряду с сознанием других социальных групп. Х. Арендт утверждала: "Термин "массы" применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых в силу либо просто их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе" [1, с. 24]. Несмотря на то, что Х. Арендт связывает массу с успехами тоталитарных режимов, она обращает внимание на значимость данного субъекта в политической системе и самостоятельность существования наравне с политическими институтами в качестве альтернативы иным организациям, которые могут непосредственно и даже неосознанно влиять на политическую реальность. Однако акцент на негативном характере масс пропадает с развитием так называемой неомарксистской школы исследования массового сознания (В. Райх, А. Грамши, Э. Фромм, Г. Маркузе). С этой точки зрения массовое сознание можно определить как особый вид общественного сознания, свойственный неструктурированным группам людей (массам), являющийся глубинным отражением действительности, которое лишь потом обретает необходимые психологические признаки социальной определенности. Именно эта позиция в трактовке массового сознания лежит в основе данной работы и, по мнению авторов, отражает современные тенденции развития общества.

Говоря о политическом компоненте массового сознания, стоит сказать, что в самом простом своём выражении, оно представляет собой совокупность политических идей, установок, норм, убеждений и ценностей. Само политическое сознание градуируется по уровням (теоретический, эмпирический и обыденный) и по видам субъектов-носителей (индивидуальное, групповое, массовое). В рамках статьи анализу будут подвержены политические ценности обыденного массового сознания россиян на разных этапах развития политической системы.

Перечисленные параметры проанализированы в статье на основе различных эмпирических данных социологических опросов и результатов исследований Е.Б. Шестопал, В.И. Пантина, М.К. Горшкова, О.В. Фетисовой. Работы перечисленных авторов отличаются обширной выборкой, детализованной методикой сбора и анализа эмпирических данных, а также интересными выводами на основе интерпретации полученных результатов.

Изучая массовое сознание советских граждан, исследователи фокусируют внимание на планомерном формировании особой социалистической формы сознания широких масс трудящихся [2, с. 104]. Одной из важнейших целей советского государства, было создание массового субъекта путём "воспитания нового человека". Основные ценности, формировавшие облик массы, сводились к самоотверженности, абсолютному приоритету общественных интересов над личными, непоколебимому уважению к авторитету власти и готовности к принятию материальных лишений во имя будущего. "Новый гражданин должен быть преисполнен пафосом политико-экономических отношений социалистического строительства, ими жить, их любить, в них видеть цель и содержание своей жизни... Человек должен мыслить, как "мы", стать живым полезным соответствующим органом, частью этого "мы". Все личные интересы должны отойти на задний план" [6]. Советское массовое сознание формировалось с минимальным учётом политических, социально-экономических и культурно-ценностных особенностей населения.

Четко структурированная, жестко регламентированная и столь же жестко насаждаемая идеология, сыгравшая мобилизующую и преобразующую роль, сформировала модель эталонного советского человека, который стал символом для подражания: самоотверженный герой труда. "На страницах газет 1930-х гг. появляются мифологизированные образы героев, воспитанных новым, самым прогрессивным на земле общественным строем, – стахановцев, бусыгинцев, летчиков, полярников, строителей новых городов в Сибири и на Дальнем Востоке. [...] Героизм стал узаконенной формой жизни советского человека. [...] Миф о "стране героев" позволяет решить политическому руководству страны две задачи: усиление социального стимулирования ударного труда и внушение советскому человеку мысли о том, что страна Советов является идеальным местом проживания" [5, с. 51]. Последующие репрессии однозначно разделяли советское общество на "белое" и "чёрное", на социалистический идеал и предателей, на героизм и страх, упрощая процесс восприятия и выбора политико-психологических моделей. Впоследствии мы наблюдаем смягчение данного идеологического конструкта, "замыливание" границ. Однако социалистические идеалы, героика идеологически верного и не слишком верного, но допустимого присутствовала и жестко укоренилась в доперестроечном массовом политическом сознании.

Политическая трансформация в рамках самого советского общества сказывалась и на смене основных черт массового субъекта. Период "перестройки" с его гласностью и сложной экономической ситуацией оказывали прямое влияние на массовое сознание населения. В сознании масс формировалась взаимосвязь между успехами перестройки и радикальным отказом от советской действительности пошлых лет (сталинизма, политики репрессий и т. д.). Анализ адресованных власти писем, публикаций в прессе, выступлений на митингах свидетельствует о заметных изменениях в сознании и поведении населения [3, с. 89]. КПСС становится объектом критики со стороны граждан, а скептицизм относительно решений партии начинает превалировать в сознании широких слоёв населения. Социологические исследования второй половины 1980-х гг. отмечают психологический кризис, вызванный растущим разочарованием населения в политических идеалах и ценностях, которые лежали в основе социальной системы СССР, делали ее устойчивой. Если прежде отдельные недостатки объяснялись последствиями войны и империалистическим окружением, то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу и рождали новые вопросы, создавался прецедент "все против власти" [9].

Трансформация массового сознания, получившая старт в конце 1980-х и продолжившаяся в 1990-х, характеризуется столкновением двух систем ценностей: традиционной, советской, и новой, ориентированной на ценностные образцы, привнесённые западным типом культуры [10, с. 18]. Однако, несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность, эти ценностные системы далеко не всегда враждебны друг другу. В процессе трансформации массового сознания базовые ценности (семья, гуманизм, безопасность, свобода, справедливость [11, с. 208]) имеют высокий уровень востребованности на протяжении всего процесса становления и развития постсоветской государственности. Тем не менее западное понимание ценностей стало доминирующим и образцовым, что легко объяснимо кризисом российской ценностной идентичности, который вызван политической и социальной дестабилизацией в стране, при усилении роли на международной арене могущественных государств на Западе. К этому периоду времени культурно-ценностные образцы, транслируемые политикой США, почти безраздельно доминировали в мире.

Проведённое в 1996 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем исследование массового сознания и происходящих в нем сдвигов на фоне демократического транзита ставило своей целью отследить качественные характеристики психологического состояния массы по итогам десяти лет реформ. Одним из показательных результатов стоит признать сформировавшийся устойчивый массовый идеал политического лидера. Низкие показатели уровня доверия и поддержки советских и современных политических лидеров указывали на отторжение массой недавнего прошлого и недовольство процессами социально-политической трансформации конца XX в. Наибольшую гордость граждане испытывали за личность и результаты политической деятельности Петра I. Авторы исследования, опираясь на эти и другие данные выдвигали своё объяснение: "Определяющую роль в распространенности петровского мифа играет подсознательное наложение идеализированного восприятия личности Петра на сформировавшийся в русском обыденном сознании архетип власти. [...] Власть может быть жесткой, даже жестокой, но "настоящей", "правильной" она является лишь в том случае, когда предлагает "нации-семье" некое общее дело. Зримый образ именно такой власти олицетворяет Петр I, который не только осуществил исторический проект, открывший перед Россией совершенно новые горизонты, но и работал над ним наравне со всеми" [4, с. 78]. Данные исследования также доказали, что российская традиция предопределяет оценку власти массой с точки зрения ценностного порядка, а материальные, прагматические вопросы, касающиеся уровня жизни, повышения благосостояния, хоть и имеют определённый вес, но всё же занимают подчинённое положение.

Данные "Левада-центра" также фиксируют эту динамику, хотя отмечают, что с приходом к власти В. В. Путина и началом активной ресоветизации, образ Петра I к 2012 г. уступает ведущие позиции И. В. Сталину, как наиболее выдающемуся лидеру в истории нашей страны. Лев Гудков (директор "Левада-центра") комментирует трансформацию таким образом: "...началась критика реформ, западной демократии, в противовес которой стали поднимать советские символы, возрождать мифы сталинской модернизации, превращения страны в супердержаву и многое другое. [...] В коллективном сознании доминируют имперские комплексы, отмеченные именами-символами, а их концентрация указывает на усиление консервативных установок" [7]. Мониторинговые исследования массового сознания также демонстрируют, что экстернальный локус контроля является одним из наиболее важных элементов массового сознания, особенно после событий 2014 г. В массовом сознании он проявляется в возложении ответственности за все происходящие события на внешние факторы. Из этого вытекают такие свойства массового сознания, как патернализм, ксенофобия, активный поиск внешнего врага, изоляционизм и прочее [10, с. 19].

Ценностные измерения массового сознания, проведенные Е. Б. Шестопал, также выявляют тенденцию массового запроса на сильное государство, который она

связывает с реакцией на внешнеполитические условия 2014 г., в которых часть населения усмотрела угрозу национальной безопасности. С этим связан и старт тотального идеологического поворота на Восток. С усложнением отношений с западными государствами набрали силу тенденции неприятия западных образцов поведения и ориентации на восточный тип культуры. Можно отметить рост популярности и участвующую трансляцию таких вотсочных ценностей, как коллективизм, традиционализм, законопослушность, в противовес западным индивидуализму, новаторству и стремлению бороться за свои права через легальные способы выражения протеста. Тем не менее в лидеры выбиваются такие общечеловеческие ценности, как свобода и права человека, а также запрос на ответственность как демократическую ценность и активизм, что говорит о постепенном росте гражданской зрелости массы [11, с. 208]. Одновременно мы наблюдаем, что постепенно трансформируется и массовый запрос на характер власти: от политика ждут не только внешней привлекательности, силы, красноречия или личной незапятнанности в коррупционных скандалах, как это было ещё десять лет назад. Появляется запрос на профессионализм, внятную политическую стратегию и внимательное отношение к электорату.

Если с личностью лидера и господствующим запросом к представителям органов государственной власти разных уровней в массовом сознании присутствует некоторая определенность, то проблема смены базовых политических ценностей так и остается нерешенной.

Всесторонний анализ современного массового сознания и его ценностных характеристик провёл В. И. Пантин, опираясь на следующие критерии: отношение к западным ценностям, статус великой державы и формат разделения властных полномочий между структурами государства [8, с. 104]. В ходе данного исследования было установлено, что в российском массовом сознании по перечисленным критериям проходят линии размежевания, которые не позволяют выявить доминирующую позицию.

Таким образом, мы можем наблюдать несколько этапов формирования и трансформации советского и постсоветского политического сознания:

- период становления "советского человека" с его риторикой героизма, политических идеалов и мобилизационной активности;
- трансформация в "позднесоветское" сознание, характеризующаяся ростом политического нигилизма и недоверия к системе государственной власти и политическим лидерам;
- перестройка, сопровождавшаяся процессами шоковой ресоциализации и переоценкой системы ценностей;
- становление "постсоветского" сознания, в котором возродились стремления к сильной власти и отторжению демократических ценностей, а также реализован возврат к имперским ценностным конструктам;
- и, наконец, современный этап трансформации сознания, характеризующийся укоренением размежевания, в котором государство проводит политику ценностной ресоветизации при параллельном развитии в обществе запроса на либерально-демократические политические ценности. На данный момент, получается специфический сплав исторической предрасположенности к постсоветскому культурному наследию, разбавляемый запросом на часть западных ценностей с тенденцией к восточному типу культуры, который в рамках российского массового сознания более дружелюбен России как с политической, так и с ментальной точек зрения.

Таким образом, мы наблюдаем ценностную трансформацию массового сознания россиян. На данный момент невозможно сказать, что ценностные параметры, далеко не столь динамичные, как массовые настроения, которые гораздо быстрее меняются в зависимости смены от политической конъюнктуры и трансформируются в соответствии с ситуацией, стали устойчивым основанием для современного российского общества. Изменения в массовом сознании в последние тридцать лет не привели к кардинальной смене ценностных ориентиров общества, измене-

ния происходят и сейчас, приводя к постепенному размежеванию мнений и позиций внутри общества. Говорить о целостных и непротиворечивых ценностных системах в рамках исследования массового сознания в России пока не приходится: столкновение либеральных (и не обязательно западных) ценностей с традицией сильного государства и управления не дает возможности достигнуть консенсуса в политико-психологическом поле и провоцирует неоднородность российского массового субъекта.

Процесс трансформации требует огромного внимания исследователей к этой проблеме из-за масштабов влияния ценностного фактора на все отношения, существующие в социальной системе. Дальнейшее наблюдение за тенденциями изменения ценностных образцов позволит не только понимать и прогнозировать последующие социальные трансформации всех сфер общества, но и своевременно реагировать на негативные и нежелательные тренды в общественном сознании, корректировать деструктивные и дестабилизирующие ценности. Дополнительные исследования по данному направлению необходимы для определения релевантного для современного российского массового сознания вектора ценностного развития.

Литература

1. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. №2. С. 24–31.
2. Баранова В. М. Формирование массового сознания в СССР // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 103–107.
3. Бригадина О. В. Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 3. С. 87–93.
4. Горшков М. К. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов / А. В. Авилова, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов, М. К. Горшков [и др.] // Мир России. Социология. Этнология. 1996. №2. С. 75–116.
5. Демидова Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №4-1 (18). С. 50–52.
6. Луначарский, А. В. Воспитательные задачи советской школы // Хрестоматия по педагогике / сост. М. Г. Бушканец, Б. Д. Леухин. М.: Просвещение, 1976. 432 с.
7. Мухаметшина Е. "Мы поняли, что советский человек никуда не уходит" // Ведомости. (сайт). URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek> (дата обращения: 17.12.2021).
8. Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. 2015. №1(12). С. 100–117.
9. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. монография // М.: Директ-Медиа, 2019. 655 с. doi: 10.23681/499416.
10. Фетисова О. В. Массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2017. №4 (196). С. 16–20.
11. Шестопап Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–220.

References

1. Arendt H. Masses and totalitarianism // Questions of sociology. 1992. No. 2. P. 24–31. (In Russ.).
2. Baranova V. M. Formation of mass consciousness in the USSR // The historical path of Russia: from the past to the future: materials of the international scientific conference dedicated to the 800th anniversary of the birth of Grand Duke Alexander Nevsky. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2021, P. 103–107. (In Russ.).
3. Brigadina O. V. Life in the era of change: mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during the years of perestroika (1985–1991) // Journal of the Belarusian State University. History. 2017. No. 3. P. 87–93. (In Russ.).
4. Gorshkov M. K., Avilova A. V., Andreev A. L., Byzov L. G. Mass consciousness of Russians in the period of social transformation: reality against myths // World of Russia. Sociology. Ethnology. 1996. No. 2. P. 75–116.

(In Russ.).

5. Demidova T. V. The image of the ideal Soviet person in the press of the USSR in the 1930s // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 4-1 (18). P. 50–52. (In Russ.).

6. Lunacharskij A. V. Educational tasks of the Soviet school // Reader in Pedagogy. Moscow: Education, 1976, 432 p. (In Russ.).

7. Muhametshina E. "We realized that the Soviet people are not going anywhere" // Vedomosti. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek> (accessed 12.17.2021). (In Russ.).

8. Pantin V. I. Mass consciousness in modern Russia: demarcations, contradictions, conjugations // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. No. 1(12). P. 100–117. (In Russ.).

9. Pihoya R. G. The Soviet Union: the history of power. 1945–1991. monograph // Moscow: Direct-Media, 2019, 655 p. doi: 10.23681/499416. (In Russ.).

10. Fetisova O. V. Mass consciousness and its transformation in modern Russian society // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2017. No. 4 (196). P. 16–20. (In Russ.).

11. Shestopal E. B. Shifts in the mass political consciousness of Russia before the presidential elections in 2018 // Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 41. P. 203–220. (In Russ.).

Марина Сергеевна ТАНЦУРА, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tantsura.ms@dvfu.ru

Татьяна Павловна ЛЕОНЕНКО, магистр политологии, г. Владивосток, Россия, e-mail: leonenko.tp@dvfu.ru

Marina S. TANTSURA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tantsura.ms@dvfu.ru

Tatyana P. LEONENKO, Master of Political Science, Vladivostok, Russia, e-mail: leonenko.tp@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 23.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022